

С. А. Кариков

Конфессиональные дискуссии среди саксонских теологов в 40–70-х гг. XVI века: истоки лютеранской ортодоксии

дной из ключевых проблем лютеранской конфессионализации является формирование основного содержания евангелического вероучения. Его основы, заложенные в период ранней Реформации, прежде всего — благодаря творчеству Мартина Лютера, получили дальнейшее развитие в трудах его последователей. В то же время в этих сочинениях ключевые проблемы лютеранства обретали различные трактовки, порой доходившие до взаимоисключающих выводов. Закономерным следствием отсутствия идейного единства среди лютеран стали многочисленные дискуссии между евангелическими теологами, берущие начало во времена поздней Реформации и получившие завершение в конфессиональную эпоху.

На наш взгляд, теологические споры внутри лютеранского лагеря приобрели наибольшую остроту в период 1547–1577 гг. — от завершения Шмалькальденской войны до разработки «Формулы Согласия». Именно этот период охватывают хронологические рамки данной статьи. Основная цель исследования заключается в выяснении предпосылок идейных расхождений между евангелическими теологами, ключевых характеристик богословских дискуссий и значения преодоления этих противоречий для формирования лютеранской ортодоксии. Отдельные аспекты указанных событий охарактеризованы в работах современных исследователей лютеранской конфессионализации [1; 2; 3; 4; 5; 6], однако длительность, сложность, противоречивость разработки содержания догматики и культа лютеранства обуславливают актуальность новых обращений к этой проблеме. Территориальные рамки нашей работы охватывают саксонский регион, в котором действовало большинство теологов, активно участвовавших в обсуждении проблем догматики и культа лютеранства.

Уже во второй половине 40-х гг. XVI в. в среде лютеранских теологов начали нарастать идейные противоречия, приведшие к образованию двух группировок — гнезиолютеран и филиппистов. Гнезиолютеране стремились предотвратить отход от принципов евангелической теологии, смысловым центром которой для них являлось творчество Мартина Лютера. В то же время филипписты, группировавшиеся вокруг ближайшего сподвижника Лютера — Филиппа Меланхтона, при рассмотрении проблем евангелической догматики и культа в ряде случаев допускали сближение как с реформатскими идеями, так и с католической теологией. Отобразив общую ситуацию «кризиса идентичности» в немецком протестантизме [3, S. 407], расхождения между гнезиолютеранами и филиппистами впоследствии проявились в многочисленных дискуссиях относительно догматов лютеранского вероучения.

@ С. А. Кариков, 2017

Первая острая дискуссия среди приверженцев евангелизма развернулась вскоре после завершения Шмалькальденской войны. Поражение протестантов в упомянутом военном конфликте позволило католической группировке выдвинуть требование к лютеранам признать принципы Аугсбургского интерима. Его положения были утверждены Аугсбургским рейхстагом 15 мая 1548 г. и предусматривали фактическую реставрацию католического вероучения в евангелических территориях Германии. В частности, Аугсбургский интерим восстанавливал пять церковных таинств, ранее упраздненных лютеранством (миропомазания, исповеди, елеосвящения, брака, рукоположения), декларировал учение о пресуществлении, усиливал церковную власть, определяя полномочия епископов и римского понтифика, изымал принцип «только верой» из формулы оправдания, возвращал ряд элементов католического культа (пост, праздники в честь католических святых) [7, S. 455–460]. Интерим требовал от сторонников евангелизма подчиняться решениям Тридентского церковного собора, начавшим заседания с 1545 г. При этом действие интерима распространялось только на евангелические территории, в то время как католики были освобождены от соблюдения его положений. Всякое сопротивление Аугсбургскому интериму официально запрещалось; в частности, этот запрет охватывал возгласение проповедей и публикацию полемических трактатов [6, p. 187].

Требование ввести Аугсбургский интерим в действие в евангелических регионах вызвало различную реакцию со стороны приверженцев лютеранства. Ряд виттенбергских теологов (в частности, Филипп Меланхтон) сочли возможным признать действие интерима на территории курфюршества Саксонского. В то же время гнезюлютеране подвергли взгляды Меланхтона резкой критике, обвинив его в искажении евангелического вероучения. В частности, Николаус фон Амсдорф и Матиас Флаций, выступившие как последовательные противники Аугсбургского интерима, обвинили Меланхтона и его приверженцев в соглашательстве с властью [3, S. 411]. Основанием для этого стала позиция Меланхтона в вопросе адиафоры — декларации несущественности «внешних вещей» (правил, обрядов и пр.) по сравнению с содержанием вероучения.

Взгляды Меланхтона нашли поддержку со стороны курфюрста Морица Саксонского, сменившего на княжеском престоле Иоганна Фридриха — представителя эрнестинской линии династии Веттинов. По-видимому, новый правитель Саксонии сознавал возможные угрожающие последствия насильственного претворения в жизнь Аугсбургского интерима на подконтрольной ему территории, большинство жителей которой в ходе Реформации решительно выступили против господства католической церкви. Вследствие этого, подписывая интерим на Аугсбургском рейхстаге, саксонский курфюрст одновременно представил протест, в котором отметил, что не может согласиться принять ответственность за его введение в своих владениях, поскольку данный документ является обязательным лишь для одной стороны. Возвратившись в Саксонию, Мориц не пытался принудить подданных к немедленному выполнению условий Аугсбургского интерима: он обратился к виттенбергским теологам с предложением предварительно изучить данный документ [8, p. 205].

Позиция Меланхтона, его влияние на пасторов и рядовых прихожан, гарантировали Морицу отсутствие сопротивления со стороны новых подданных. Курфюрст, в свою очередь, защищал теолога перед императором, поддерживал его в роли неофициального главы евангелической церкви [9, с. 15]. В ходе переговоров с курфюрстом Меланхтон и его единомышленники выработали смягченную формулу интерима для Саксонии. Их предложения стали идейной основой Лейпцигского интерима, провозглашенного 22 декабря 1548 г. и в июне 1549 г. утвержденного саксонским ландтагом в качестве закона.

Лейпцигский интерим декларировал приверженность принципам евангелического учения, но одновременно признавал восстановление католических церемоний на территории курфюршества Саксонского [10, S. 475]. Неоднозначность доктринальных

положений этого документа проявилась даже в формулировке ключевого элемента евангелического вероучения — принципа оправдания верой. Виттенбергские теологи при составлении Лейпцигского интерима стремились избежать наиболее жестких формулировок Аугсбургского интерима (евхаристической молитвы, формулы соборования, использования миро в крещении), но не смогли устранить многих существенных разногласий между лютеранским вероучением и католической доктриной. В частности, вопросы церковного облачения и отмечания праздников в честь святых стали ярким выражением противоречий, не устраненных компромиссным по своему характеру Лейпцигским интеримом.

В противовес подходу Меланхтона и его единомышленников, Амсдорф и Флаций сформулировали принцип «В вопросах вероисповедания не должно быть безразличия» (*Nihil est adiaphoron in statu confessionis*) [4, с. 238]. Тем самым они отстаивали единство внешних форм и внутреннего содержания евангелизма, подчеркивая губительность уступок в этом вопросе приверженцам католицизма. Вследствие этого для гнезиолютеран были неприемлемы как положения Аугсбургского интерима, так и Лейпцигский интерим в качестве их смягченного варианта.

Выражая протест против компромиссного курса Меланхтона и его приверженцев, Матиас Флаций весной 1549 г. покинул Виттенберг и переехал в Магдебург. Вольный имперский город Магдебург на тот момент стал олицетворением сопротивления императорской политике. Это выразилось, в частности, в предоставлении возможности гнезиолютеранам публиковать свои произведения. В 1549–1551 гг. магдебургскими типографами Михаэлем Лоттером, Кристианом Редингером и Хансом Вальтером было издано свыше 100 брошюр, авторы которых выступали против Аугсбургского интерима. Матиас Флаций, оказывая типографам поддержку в качестве редактора этих сочинений, одновременно подготовил к печати сборник собственных теологических произведений, изданный в марте 1550 г. под заголовком «Все латинские работы» [6, р. 190–191]. Помимо этого, с начала 50-х гг. XVI века он обратился к изучению истории христианства. Первым результатом этой работы стал «Каталог свидетелей истины» (1556) — развернутый список авторов, в сочинениях которых можно было обнаружить расхождения с официальной католической доктриной, особенно в части преемственности развития церкви от эпохи Христа до начала XVI века [11, с. 26]. Исследования Флация впоследствии стали основой фундаментального труда «Магдебургские центурии», к написанию которого присоединились и другие лютеранские теологи; эта работа была завершена в 1574 г. [12, с. 23].

Вследствие расхождений с позициями филиппистов в Магдебург переехал и Николаус фон Амсдорф. Он также продолжил выступать против Аугсбургского интерима, прежде всего — работая над публицистическими трактатами. Его поддержали местные священнослужители Иоганн Виганд и Матвей Юдекс, а также Эразм Альбер, сатирик Николаус Галл (двое последних, как и Амсдорф, переехали в Магдебург из-за угрозы религиозных преследований). Активность названных деятелей сделала Магдебург важным центром гнезиолютеранства [3, S. 412].

Гнезиолютеранские идеи в конце 40 — начале 50-х гг. XVI века получили широкое распространение и в Йене. Значение основного центра гнезиолютеранства этот город приобрел после взятия Магдебурга войсками Морица Саксонского (1551 г.). Деятельность гнезиолютеран была связана с Йенским университетом, основанным в 1548 г., после утраты Иоганном Фридрихом права суверенитета над Виттенбергским университетом (вследствие потери курфюршеского титула). В этом учебном заведении трудились теологи, решительно отвергнувшие попытки части виттенбергских реформаторов найти компромисс с территориальной властью курфюршества Саксонского на условиях интерима. В частности, в 1551–1561 гг. на теологическом факультете Йенского университета преподавал Матиас Флаций, в 1557 г. ставший профессором [6, р. 180–181]. Активность и разнообразие его

деятельности позволяют рассматривать Флация как духовного лидера гнезиолютеранской группировки саксонских теологов.

Конфессиональная борьба между гнезиолютеранами и филиппистами не прекратилась и после отмены Аугсбургского интерима в 1552 г., которая была провозглашена среди основных условий Пассауского договора, ставшего результатом победы протестантских князей в т. н. «княжеской войне». Чем же объяснить то обстоятельство, что с устранением столь серьезного фактора конфликта накал противостояния двух группировок не снизился, а возрос? На наш взгляд, в этой связи заслуживает внимания замечание И. Дингель, которая указывает, что не следует отождествлять «спор об интериме» со «спором об адиафоре». Аугсбургский интерим был направлен на восстановление католического вероучения, церемоний и обычаев в евангелических регионах, в то время как проблема адиафоры затрагивала более широкую идейную проблематику [5, S. 3]. Эта проблема, определявшаяся важностью вопроса о соотношении «внешнего» и «внутреннего» для каждого приверженца евангелизма, сохранила актуальность и позднее. Значение указанной проблемы побудило лютеранских теологов продолжить дискуссию об адиафоре в последующие десятилетия.

Усиление противоречий между гнезиолютеранами и филиппистами в 50-х гг. XVI века нашло выражение и в таких конфессиональных дискуссиях, как «майористский спор» и «синергистский спор». Первая дискуссия была связана с полемикой вокруг взглядов Георга Майора — ученика Меланхтона, профессора Виттенбергского университета. Рассматривая одну из узловых проблем лютеранской теологии — проблему «добрых дел», Майор, вопреки Лютеру, подчеркнул необходимость заслуг для спасения человеческой души, связывая оправдание с обретением верующим святости [13, с. 62]. Его взгляды подверглись резкой критике со стороны Николауса фон Амсдорфа, отметившего, что во взглядах Майора проявляется католическая тенденция [1, S. 87–89]. Результатом этого спора стало стремление лютеранских теологов избегать многозначных формулировок, использовавшихся в дебатах, и создание предпосылок для более ясного определения места добрых дел в контексте учения об оправдании [14, с. 232].

Синергистский спор затронул другую важную проблему лютеранской доктрины — проблему свободы человеческой воли. Еще в 20-х гг. XVI в. этот вопрос вызвал острую полемику Мартина Лютера с Эразмом Роттердамским, написавшим произведение «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли». В нем Эразм отмечает, что ликвидация свободы человеческой воли перед лицом божественного фатума обрекает человека на роль марионетки [15, с. 58]. А это, в сущности, приводит людей к аморализму, ибо «если нет свободы, то нет и греха» [16, с. 233]. Ответом Лютера нидерландскому гуманисту стал трактат «О рабстве воли». В этом произведении реформатор, опираясь на взгляды апостола Павла, подчеркивает: «У человека нет свободы воли по отношению к тому, что выше его, а есть только по отношению к тому, что ниже его. ...В отношении к Богу и к тому, что касается спасения или осуждения, у человека нет никакой свободной воли» [17, с. 336]. По убеждению Лютера, без помощи божественной благодати свободная воля человека толкает его только к моральной непригодности, к злу [15, с. 57].

Проблема свободной воли сохранила актуальность и на следующем этапе лютеранской конфессионализации, вызывая ожесточенные споры среди евангелических теологов. В 50-х гг. XVI века к ее рассмотрению обратился профессор Лейпцигского университета Иоганн Пфеффингер, принадлежавший к единомышленникам Меланхтона (в частности, он принимал участие в составлении пунктов Лейпцигского интерима). В трудах Пфеффингера проблема свободной воли интерпретировалась в еразмианском духе; так, он полагал, что нечто в природе самого человека побуждает одних согласиться на спасение, а других — не согласиться [13, с. 63]. Такой подход Пфеффингера встретил решительное неприятие со сто-

роны Матиаса Флация и Николауса фон Амсдорфа, развивавших лютеровскую трактовку воли.

Еще одна теологическая дискуссия, предметом которой стал вопрос об оправдании, развернулась в начале 50-х гг. XVI в. между кенигсбергским профессором Андреасом Озиандером и Филиппом Меланхтоном. Озиандер рассматривал праведность Христа как выражение его божественной природы, которая дарует человеку оправдание, мистически перемещая Христа в человеческое сердце посредством веры [2, S. 231]. Такие взгляды противоречили догмату Лютера о греховности человека. Меланхтон же подчеркивал, что перемещение Христа в душу верующего является следствием, а не источником оправдания [13, с. 62]. Большинство реформаторов (как филиппистов, так и гнезиолютеран) отвергало возможность внесения свойств извне в человеческую душу, что стало основой для последующего осуждения взглядов Озиандера.

Помимо названных теологических дискуссий, в 50-х гг. XVI в. получили дальнейшее развитие и споры, ранее возникшие в евангелическом сообществе. В частности, поводом к обострению дискуссии между гнезиолютеранами и филиппистами по вопросу адиафоры стало публичное обвинение Меланхтона в поддержке кальвинистских идей, высказанное гамбургским пастором Иоахимом Вестфалем. Молчание Меланхтона в ответ на предложение Жана Кальвина объединиться на основе Цюрихского соглашения, сделанное в 1557 г., было истолковано гнезиолютеранами как тайное сочувствие реформатскому вероучению [18, с. 100]. Как отмечает Н. Бережная, с этого момента ярлык криптокальвиниста («тайного», «молчаливого» кальвиниста) сопутствовал как самому Меланхтону, так и его теологическим убеждениям. Стремление к единству евангелической конфессии, осознание своей ответственности за ее судьбу побуждали Меланхтона искать компромиссы [19, с. 56].

В ходе переговоров накануне Вормсского религиозного собеседования (1557 г.) протестантские князья и представители городов Страсбург, Регенсбург и Франкфурт-на-Майне решили считать основополагающими документами вероучения обе версии «Аугсбургского вероисповедания» («неизменную» 1530 г. и «измененную» 1540 г.) и «Апологию Аугсбургского вероисповедания», написанную Меланхтоном. Однако герцоги Иоганн Фридрих Готский и Иоганн Вильгельм Веймарский, а также представители северонемецких городов (Гамбурга, Любека) отказались присоединиться к соглашению. Ортодоксальные лютеране требовали, чтобы оно базировалось на версии 1530 г., и в него были включены «Шмалькальденские статьи» Мартина Лютера [9, с. 16]. На Вормсском собрании, созванном по инициативе императора Фердинанда I для достижения компромисса между лютеранами и католиками, протестантские теологи (их представляли Меланхтон, Флаций, Иоганн Бренц и Эрхард Шнепф) перешли к спорам и взаимным обвинениям, вследствие чего цель собеседования так и не была достигнута [3, S. 158].

После ухода Меланхтона из жизни (апрель 1560 г.) продолжилось обострение конфликта между двумя евангелическими группировками. На собрании протестантских князей в Наумбурге 1561 г., где рассматривался вопрос о главных принципах Аугсбургского вероисповедания, профессор теологии Ростоцкого университета Давид Хитройс открыто признал существенные различия в содержании двух версий (1530 г. и 1540 г.) этого произведения. Йенские теологи решительно выступили против компромисса с филиппистами. Решения Наумбургского княжеского съезда не привели к существенным сдвигам в деле восстановления теологического и церковного единства лютеранства [20, S. 33].

Углубление раскола между гнезиолютеранами и филиппистами засвидетельствовали дальнейшие дискуссии по нерешенным теологическим проблемам. В частности, продолжение синергистского спора было связано с утверждениями некоторых филиппистов о том, что естественная воля может содействовать обращению человека. На Веймарском диспуте 1560 г. эта проблема стала центральной в дискуссии между

Матисом Флацием и Викторино Штригелем. Штригель считал, что в обращении воля сохраняет свой естественный образ действия: она лишь переходит от зла к добру. В противовес этому, Флаций утверждал, что естественная воля не способна участвовать в обращении: она не просто пассивна, но и усиленно противится божественной благодати. Поэтому должна быть сотворена совершенно новая воля, «новый человек», при этом действие благодати препятствует «ветхой воле» и понуждает ее [14, с. 230].

Ключевым пунктом разногласий между филиппистами и гнезиолютеранами в 60-х гг. XVI в. стал вопрос о причастии. Виттенбергские теологи считали, что не следует объяснять реальное присутствие с помощью учения о повсеместном присутствии Бога. Их взгляды вновь встретили неприятие со стороны йенских теологов, следствием чего стало безрезультатное религиозное собеседование в Альтенбурге зимой 1568/1569 гг. Против позиции филиппистов выступили не только теологи из Йены, но и представители других территорий, в частности, брауншвейгский пастор Мартин Хемниц и вюртембергский суперинтендент Якоб Андреэ. Последний принял активное участие в дальнейших попытках восстановить единство евангелического вероучения. В мае 1570 г. он откликнулся на приглашение курфюрста Августа Саксонского посетить переговоры в Цербсте, в которых участвовали теологи из 15 городов и территорий [2, S. 214].

Постепенно, наряду с продолжением теологических споров, среди сторонников лютеранства начало распространяться мнение о необходимости преодоления расхождений. Его сторонники стремились примирить враждующие группировки, что требовало серьезного пересмотра идейного содержания евангелизма. Важную роль в исполнении этой миссии сыграли лютеранские теологи умеренного направления — Мартин Хемниц, Якоб Андреэ, Давид Хитройс, Николаус Зельнекер. В 70-х гг. XVI в. при их активном участии состоялся ряд консультаций и собеседований, на которых рассматривались фундаментальные проблемы догматики и культа лютеранства. На этот процесс оказал воздействие и курс территориальной светской власти: когда в анонимном трактате, опубликованном в 1574 г., из учения Меланхтона о причастии были сделаны выводы в духе реформатского вероучения, против виттенбергских теологов выступил курфюрст Август Саксонский. После этого большинство филиппистов лишились должностей священнослужителей и преподавателей на территории курфюршества [14, с. 234].

Первоосновой процесса достижения лютеранскими теологами единства вероучения стало написанное Якобом Андреэ сочинение «Швабское согласие» (1574 г.). Позднее, в результате переработки этого произведения Мартином Хемницем, был создан точный вероучения, общий для Вюртемберга и Саксонии («Швабско-Саксонское согласие», 1575 г.). В дальнейшем его текст был откорректирован группой вюртембергских теологов («Маульброннская формула»). На конвенте теологов в Торгау (май—июнь 1576 г.), созванном по инициативе курфюрста Августа Саксонского, на основе названных выше источников была составлена т. н. «Торгаусская книга», разосланная различным земельным церквям для ознакомления с их мнением. На следующем собрании теологов, созванном в монастыре Берге (близ Магдебурга) в начале 1577 г., этот труд был откорректирован на основании собранных отзывов [2, S. 215]. Окончательный текст был подписан и передан саксонскому курфюрсту как «Формула Согласия». Этот документ был подписан князьями, чиновниками и богословами различных земельных церквей и признан почти двумя третями представителей сословий, принявших «Аугсбургское вероисповедание» [21, S. 773].

Как отмечает Э. Кох, «Формула Согласия» не создавала нового вероучения, а лишь четко формулировала и комментировала положения «Аугсбургского вероисповедания» 1530 г. [2, S. 215]. В статьях «Формулы Согласия» были кратко изложены те спорные пункты лютеранского вероучения, которыми были вызваны теологические дискуссии 40–70-х гг. XVI века [21, S. 774–844]. Рассматривая взгляды Майора на проблему

«добрых дел», идеи Озиандера об оправдании, синергизм Пфэффингера, адиафоризм Меланхтона как заблуждения, а также отвергая трактовку догматов христианства, предложенную теологами других направлений (Кальвином, Ульрихом Цвингли, Менно Симонсом, Каспаром Швенкфельдом), «Формула Согласия» утверждала идейное единство евангелизма.

Наряду с сочинениями Лютера («Малый катехизис», «Большой катехизис», «Шмалькальденские статьи») и Меланхтона («Аугсбургское вероисповедание», «Апология Аугсбургского вероисповедания», «О власти и верховенстве папы») «Формула Согласия» вошла в состав «Книги Согласия», ставшей своеобразным каноническим вероисповедным документом лютеранской конфессии. Признание «Книги Согласия» в 1580 г. большинством территориальных евангелических церквей ознаменовало утверждение ортодоксии как ведущего направления лютеранства в германских государствах. Характерной чертой ортодоксии было подчеркнутое желание рассматривать богословские проблемы с опорой на Писание и вероисповедные книги [18, с. 106]. Основным содержанием ортодоксальной теологии «истинного вероучения» стали полемика с католиками и реформатами, а также дальнейшая разработка догматической системы лютеранства [22, с. 357].

Результатами трудов евангелических теологов эпохи ортодоксии стали многочисленные догматические суммы, компендиумы из Священного Писания, произведений Лютера, вероисповедных книг, конституировавшие целостное учение, в котором соединились вопросы религиозной, социальной, природной этики [23, S. 212]. Любые попытки пересмотра или критики учения Лютера оценивались с позиций ортодоксии как святотатство [24, с. 137].

По мнению О. Рыбаковой, необходимой почвой, на которой формируется канон ортодоксии, является гетеродоксия. В этой связи исследовательница отмечает: «Протестантизм во время своего возникновения и далее, набирая силу, умножая содержательный ряд своих идей, определенно был гетеродоксией, во-первых, по отношению к ортодоксальной доктрине католической церкви, а во-вторых, предоставив в будущем широкое идейное поле для формирования своей же собственной (в рамках протестантизма) ортодоксальной доктрины» [25, с. 140–141]. Признавая справедливость этого замечания в отношении противостояния между протестантской гетеродоксией и католической ортодоксией, одновременно следует обратить внимание на отсутствие единой ортодоксальной доктрины протестантизма. Подобные доктрины формировались в рамках отдельных реформационных вероучений, в частности — лютеранства. И уже на ранних этапах лютеранской конфессионализации отчетливо начали проявляться идейные противоречия не только между лютеранами и представителями иных протестантских конфессий, но и среди сторонников евангелизма. Процесс преодоления этих противоречий одновременно стал процессом становления лютеранской ортодоксии.

Таким образом, вторая половина 40–70-х гг. XVI в. ознаменовалась качественно новыми явлениями в развитии евангелизма, что позволяет говорить об углублении лютеранской конфессионализации в этот период. Идейное размежевание и последующее длительное противостояние гнезиолютеран и филиппистов стало для евангелизма серьезным испытанием, которое может быть определено как своеобразный «кризис роста» лютеранства. Возможность преодоления кризиса была реализована на пути поиска общих идейных принципов, способных объединить приверженцев различных подходов к интерпретации евангелического вероучения. Ключевую роль в этом процессе сыграло создание комплекса вероисповедных книг, составной частью которого, помимо написанных ранее трудов Лютера и Меланхтона, стала «Формула Согласия». Отход от крайних позиций гнезиолютеранства и филиппизма, осуществленный ее авторами, позволил восстановить единство евангелического вероучения и конституировать его принципы в «Книге согласия». Перспективой дальнейшего исследования видится изучение развития системы лютеранской ортодоксии, ее влияния на различные сферы жизни германского общества раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zur Mühlen K.-H.* Reformation und Gegenreformation. — Göttingen, 1999. — Т. 2.
2. *Koch E.* Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). — Leipzig, 2000.
3. *Hauschild W.-D.* Lehrbuch der Kirchen- und Dogmengeschichte. — Gütersloh, 2005. — Bd. 2.
4. *Seebaß G.* Geschichte des Christentums III. Spätmittelalter — Reformation — Konfessionalisierung. — Stuttgart, 2006.
5. *Dingel I.* Historische Einleitung // Dingel I. Der Adiaphoristische Streit (1548–1560). — Göttingen, 2012.
6. *Jambrek S.* Flacius' Struggle for the Freedom of the Church // KAIROS — Evangelical Journal of Theology. — 2012. — Vol. VI. — № 2.
7. *Folgen der Niederlage: das Augsburger Interim* / R. A. Müller [Hg.] // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. — Stuttgart, 2001. — Bd. 3.
8. *Stump J.* Life of Philip Melancthon. — N. Y., 1897.
9. *Бережная Н. А.* Кальвинистская Реформация в Германии: пример Пфальца : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 — Всеобщая история (новая и новейшая история) / Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2015.
10. *Das Interim* / H. Junghans [Hg.] // Die Reformation in Augenzeugenberichten. — München, 1973.
11. *Андронов И. Е.* Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — М., 2015.
12. *Keller R.* Matthias Flacius Illyricus (1520–1575) // Keller R. Luthertum in der Vielfalt seiner Geschichte. — Regensburg, 2006.
13. *Ревуненкова Н. В.* Протестантизм. — СПб., 2007.
14. *Хеггlund Б.* История теологии / пер. с швед. В. Володина. — СПб., 2001.
15. *Соколов В. В.* Философское дело Эразма из Роттердама / пер. с латин. Ю. М. Каган // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
16. *Эразм Роттердамский.* Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
17. *Лютер М.* О рабстве воли / пер. с латин. Ю. М. Каган // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
18. *Прокотьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. — СПб., 2008.
19. *Бережная Н. А.* Меланхтон и проблема криптокальвинизма в протестантской Германии середины XVI в. // Клио. — 2015. — №1(97).
20. *Roensch M.* Die theologische Bedeutung der Konkordienformel vor ihrem geschichtlichen Hintergrund // Lutherische Theologie und Kirche. — 1977. — № 3.
21. *Konkordienformel* / H. G. Pöhlmann [Bearb.] // Unser Glaube. Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. — Gütersloh, 1991.
22. *Heussi K.* Kompendium der Kirchengeschichte. — Tübingen, 1991.
23. *Zeeden E. W.* Das Zeitalter der Gegenreformation von 1555 bis 1648. — München, 1979.
24. *Zeeden E. W.* Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. — München; Wien, 1965.
25. *Рыбакова О. Б.* Функции ортодоксии и гетеродоксии в процессе легитимации религиозных институтов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2009. — Вып. 10(1).

Резюме

Каріков С. А. *Конфесійні дискусії серед саксонських теологів у 40–70-х рр. XVI століття: витоки лютеранської ортодоксії*

Статтю присвячено проблемі ідейних суперечностей серед євангелічних теологів Саксонії в епоху лютеранської конфесіоналізації. Розглянуто передумови розбіжностей між теологами, головні пункти дискусій, шляхи подолання цих протиріч.

Н
Б
І
В
С

Охарактеризовано основний зміст «Формули Згоди» 1577 р. і визначено її роль у створенні ортодоксії. Зроблено висновок, що ідейне протистояння гнезіолютеран і філіппістов стало своєрідним «кризою росту» лютеранства. Його подолання створило основу для формування лютеранської ортодоксії.

Ключові слова: Реформація, конфесіоналізація, Саксонія, теолог, Аугсбурзький інтерим, гнезіолютерани, філіпісти, адіафора, «Формула Згоди», ортодоксія.

Резюме

Кариков С. А. *Конфессиональные дискуссии среди саксонских теологов в 40–70-х гг. XVI века: истоки лютеранской ортодоксии*

Статья посвящена проблеме идейных противоречий среди евангелических теологов Саксонии в эпоху лютеранской конфессионализации. Рассмотрены предпосылки расхождений между теологами, основные пункты дискуссий, способы преодоления этих противоречий. Охарактеризовано основное содержание «Формулы Согласия» 1577 г. и ее роль в создании ортодоксии. Сделан вывод, что идейное противостояние гнезиолютеран и филиппистов стало своеобразным «кризисом роста» лютеранства. Отмечено, что его преодоление создало основу для формирования лютеранской ортодоксии.

Ключевые слова: Реформація, конфесіоналізація, Саксонія, теолог, Аугсбургський інтерим, гнезіолютеране, філіпписти, адіафора, «Формула Согласия», ортодоксія.

Summary

S. Karikov. *Confessional Debate among Saxon Theologians in 40–70s of the XVI Century: Beginning of Lutheran Orthodoxy*

The article is devoted to the problem of ideological contradictions among Saxon evangelical theologians in the age of Lutheran confessionalization. The preconditions of ideological differences among the theologians, main points of discussions, methods of overcoming these contradictions are considered. The main content of the Formula of Concord in 1577 is characterized and its role in the creation of orthodoxy is defined. The conclusion about the ideological confrontation among Gnesio-Lutherans and Philippists as a kind of «crisis of growth» of Lutheranism is made. It is remarked that its overcoming created the basis for the formation of Lutheran orthodoxy.

Key words: Reformation, confessionalization, Saxony, theologian, Augsburg Interim, Gnesio-Lutherans, Philippists, adiaphora, Formula of Concord, orthodoxy.

